

Исследования современной культуры

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

Групповая идентичность молокан Москвы и крышен Казани: опыт сопоставительного анализа (на материале полевых исследований)

Глеб И. Корнилов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, glenvonkornen@gmail.com*

Аннотация. В статье сравниваются групповые идентичности общин молокан Москвы и крышен Казани. Представления Р. Дженкинса о достаточных условиях для формирования группы, описание и определение концепции идентичности Э. Эриксоном применяются вместе с концепцией «текстуальных сообществ» как типа групп Б. Стока для понимания специфики групповой самоидентификации общин молокан Москвы и крышен Казани. С помощью тематического анализа данных полевых исследований (интервью представителей молокан Москвы и крышен Казани) выясняется, что их идентичности могут быть охарактеризованы как идентичности текстуальных сообществ (на что указывает наличие определяющих жизнь текстов – и внимательное отношение к ним). Помимо этого, результаты исследования выявили другие характеристики, выделяемые представителями общин при самоописании. Среди них отмечаются сходства между общинами – восприятие определяющих их жизнь текстов, начало вовлечения в религию с детства и через семью, посещение церкви/собраний, выраженная религиозная терпимость. Есть и различия – у крышен преобладает выделение социальной роли семьянина в качестве определяющей для индивида, тогда как у молокан выделение преобладающего затруднительно. Есть специфические элементы – обращение к религии в более позднем возрасте у молокан, роль церкви и этничности у крышен.

Ключевые слова: молокане, крышены, идентичность, текстуальные сообщества

Для цитирования: Корнилов Г.И. Групповая идентичность молокан Москвы и крышен Казани: опыт сопоставительного анализа (на материале полевых исследований) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 7. С. 48–62. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

© Корнилов Г.И., 2022

Group identity of the Molokans
of Moscow and the Kryashens of Kazan:
experience of comparative analysis
(based on field research)

Gleb I. Kornilov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
glenwonkornen@gmail.com*

Abstract. The article compares group identities of communities of the Molokans of Moscow and the Kryashens of Kazan. I use R. Jenkins' ideas on sufficient conditions for the formation of a group, E. Erikson's description and definition of identity together with the concept of "textual communities" by B. Stock as a type of groups to understand the specificity of group self-identification of Molokans of Moscow and Kryashens of Kazan communities. Drawing upon a thematic analysis of field research data (interviews with members of Molokans of Moscow and Kryashens of Kazan), I make it clear that their identities can be characterized as the identities of textual communities (which is indicated by the presence of life-defining texts and attentive attitudes to them). Besides that, results of the research showed other features, expressed by the communities' members during their self-description. There are similarities between the communities among them: perception of texts defining the communities' lifestyles; early religious involvement since childhood and via families; attending church/religious assemblies; pronounced religious tolerance. There are also differences: choosing the role of a family member as a key social role for an individual is typical among the Kryashens while finding a universal key social role among the Molokans is hardly possible. There are specific elements too: a deeper interest to religion appears in later periods of life among the Molokans; the role of church and ethnicness is more important among the Kryashens.

Keywords: Molokans, Kryashens, identity, textual communities

For citation: Kornilov, G.I. (2022), "Group identity of the Molokans of Moscow and the Kryashens of Kazan: experience of comparative analysis (based on field research)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 48–62, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-7-48-62

Введение

Различные малые этнические и конфессиональные группы на постсоветском пространстве перемещаются со своих традиционных мест жительства в большие города, и их представители часто

стремятся сохранить групповую идентичность в новых обстоятельствах [Пронина 2015].

Цель работы состоит в том, чтобы понять, как такие группы – в нашем рассмотрении это общины молокан Москвы и крышен Казани – сохраняют себя как целое в больших городах. Фокус исследования направлен на то, чтобы выявить область жизненной практики, служащую основанием для поддержания целостности группы. Наша гипотеза состоит в том, что такой областью является область книжной традиции.

Выбор для исследования именно этих общин мотивируется общими для них сложным происхождением (большинство их представителей являются переселенцами из других мест или их потомками), временем оформления (90-е гг. XX в.), государственной регистрацией.

Концептуальная рамка исследования построена на подходах психолога Э. Эриксона, социолога Р. Дженкинса и историка Б. Стока.

Из идей Дженкинса мы используем представление о достаточных условиях для формирования идентичности группы (знание о существовании группы, чувство причастности к ней [Jenkins 2008, pp. 11–12]). Из идей Эриксона – описание и определение концепции идентичности (принятие индивидом социального бытия как своего в процессе формирования отдельной личности и в связи с принадлежностью к группам [Эриксон 1996, с. 31–32, 50–51]). Подходы этих исследователей в сочетании дают представление об идентичности в случае конкретных индивидов и групп. Оба автора характеризуют идентичность как динамический процесс идентификации человека [Эриксон 1996, с. 31–32; Jenkins 2008, p. 5] – и мы вслед за ними придерживаемся этого подхода к термину.

Для понимания оснований для выстраивания групповой идентичности молокан и крышен мы обращаемся к концепции «текстуальных сообществ» Б. Стока. Сток представляет ее во многом описательно: это группа людей, придерживающихся практик, которые они полагают записанными в некоем тексте. Знание на основе текста служит организации жизни в группе [Stock 1983, pp. 88–90]. «Текстуальное сообщество» формирует на основе текста устную традицию, принимаемую большинством. В качестве важного признака «текстуального сообщества» Сток указывает отсутствие необходимости регулярно перечитывать текст для «напоминания», так как его положения уже усвоены членами сообщества [Stock 1983, p. 91].

Существование «текстуального сообщества» возможно при следующих условиях: 1) наличие текста для организации жизни

сообщества; 2) наличие людей, передающих текстуальное знание; 3) согласие членов сообщества взаимодействовать с опорой на текст.

Источниковую базу нашего исследования составляют данные интервью с молоканами Москвы и крышенами Казани.

С молоканами было записано 12 интервью в 2017–2019 гг. В работе использованы данные 11 человек – 7 мужчин и 4 женщины в возрасте от 20 до 73 лет на момент интервью, на десять из них приходится по одному интервью, в одном случае два интервью.

С крышенами было записано 12 интервью в 2021 г. В работе использованы данные 12 человек – 7 мужчин, 5 женщин, от 23 до 83 лет на момент интервью.

Вопросы, задававшиеся молоканам, выстроены так, чтобы можно было прояснить следующее: 1) возраст, происхождение; 2) приход информанта к религии, как он сохранял ее; 3) функцию и значимость Библии в жизни; 4) посещает ли он молитвенные собрания; 5) что он думает о других религиях, направлениях христианства; 6) какую социальную роль он выделяет для себя как наиболее значимую. Иногда задавался вопрос об этническом компоненте в самовосприятии («как бы вы себя описали или назвали по национальности?»). Эти вопросы имеют значение для понимания восприятия индивидом жизни в общине – так, биографические данные помогают понять, в какой степени и как человек знаком с жизнью общины и вовлечен в ее практики. Вопрос о том, как человек пришел к религии (и/или ее сохранил), помогает оценить роль религии в его жизни. Вопрос о Библии проверяет применимость к молоканам концепции текстуального сообщества – при этом Библия рассматривается как цельный текст, не отличающийся от такового в православии. Вопрос о посещении собраний, кроме прочего, проясняет связи информанта в общине. Вопрос о других религиях и конфессиях показывает, насколько информант противопоставляет свою группу другим – и как. Вопрос о социальных ролях позволяет оценить жизненные приоритеты информантов, их связь с группой.

Также уделено внимание темам, которые возникали при общении с отдельными информантами и которые не были запланированы при первоначальном составлении вопросника.

Крышенам задавались те же вопросы, что и молоканам. Как и в случае молокан, уделялось внимание незапланированным темам, возникавшим при общении с информантами. Кроме того, крышенам дополнительно задавался вопрос об этническом самовосприятии, поскольку эта тема имеет политическое измерение.

Исторические предпосылки развития идентичностей молокан и кряшен

События, ведущие к формированию молокан – одного из движений в рамках духовного христианства, призывавшего к чтению Библии и упрощению религиозной обрядности – прослеживаются с XVIII в., когда в России началась активная религиозно-просветительская деятельность. Власти стремились дать населению самые общие понятия о религии. Были подготовлены и распространены по приходам книги – в частности сочинение Феофана Прокоповича «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, таже: краткое толкование законного десятисловия, молитвы господней и девяти блаженств». Эта политика не была в полной мере успешной, а сама книга не могла выполнить своей функции в современной ей системе образования, подразумевавшей не столько «понимание» текста, сколько заучивание и воспроизведение наизусть [Львов 2011, с. 75–79].

Люди иногда воспринимали такие тексты как попытку властей обратить их внимание на несоответствие воображаемой ими «воли монарха» и тех законов и практик, по которым они живут, а потому переосмыслили как религиозные представления, так и взаимоотношения с властью. В итоге в 60-е гг. XVIII в. (в том числе и по причине политики Екатерины II в направлении большей религиозной терпимости) случаи антицерковных выступлений из ранее скорее малочисленных (кроме старообрядцев) стали более заметными [Смилянская 2016, с. 278].

Распространение религиозной литературы в XVIII в. оказалось сигналом для отдаления некоторых групп от церкви и способствовало их трансформации в сообщество с Библией в качестве определяющей жизненную практику книги. Складывались трактовки текста Библии, нехарактерные для нормативного православия – критика иконопочитания, попытки устройства общин и трактовки Библии вне пространства и правил государственной церкви и т. д.

Для выяснения того, явились ли чтение Библии и религиозно мотивированная деятельность на ее основе конституирующим фактором идентичности молокан, мы обратились к данным полных исследований, которые мы рассмотрим ниже.

Теперь обратимся к случаю кряшен, которых часто описывают как крестившихся в православие этнических татар. Усилия по обращению жителей бывшего Казанского ханства в православие начались почти сразу после завоевания Казани – были крещены пленные и уцелевшие защитники города; сносились городские ме-

чети и строились церкви [Загидуллин 2017, с. 75]. Также крещение рассматривалось как средство защиты рискованными столкнуться с государственными санкциями [Загидуллин 2017, с. 77–79]. В течение XVI–XVII вв. политика России была направлена по преимуществу на крещение элиты бывшего Казанского ханства – для закрепления власти в регионе [Загидуллин 2017, с. 80–81].

На протяжении XVIII в. предпринимались последовательные попытки «просвещения» крещеных татар и их включения в жизнь православной церкви. В итоге Священный Синод указом от 23 августа 1731 г. учредил организацию, которая отвечала бы за миссионерскую деятельность в Поволжье; в 1734 г. она стала называться Новокрещенской конторой [Ислаев 2017, с. 166–168]. Тем не менее на протяжении XVIII и части XIX в. попытки развития системы образования для этих целей были малоуспешны [Исхаков 2017b, с. 184–185].

Качественно новый этап в формировании общности крышен наступил около середины XIX в. в связи с именем Н.И. Ильминского и Переводческим комитетом Казанской духовной академии. Восстановленная в 1842 г., Казанская духовная академия мыслилась как центр православной миссии – это определило направление работы обучавшегося там Ильминского.

В то время среди новокрещенных (принявших православие под влиянием Новокрещенской конторы) участились попытки перехода в ислам. Среди причин этого важно отметить широкое распространение текстов мусульманской традиции (например, «Сказание о Юсуфе» Кул Гали) на понятном крышенам языке; организацию неформальных групп по обучению детей мусульманской текстуальной культуре (в чем была велика роль женщин); рост мобильности населения (что вело к общению крышен и татар-мусульман) [Kefeli 2001]. Как следствие, духовные власти осознали необходимость перевода, в первую очередь богослужебных книг, на понятный для паствы язык (что укрепило бы крышен в православной культуре и отдалило бы их от ислама). Для этих целей был организован Переводческий комитет Казанской духовной академии, куда входил Н.И. Ильминский [Исхаков 2017с, с. 284]. В 1862 г. он совместно с В.Т. Тимофеевым составил проект кириллического алфавита для татарского/крышенского языка, которым затем записывалась, в первую очередь, религиозная литература [Исхаков 2017с, с. 286–287]. Появилась новая сеть учебных заведений: создаваемая Ильминским и др. система образования была утверждена в 1870 г. законодательно, применяли ее не только для крышен. Переводческая деятельность активизировалась со второй половины XIX в., быстро формировались священнические кадры

со знанием языка, кряшенская интеллигенция [Исхаков 2017с, с. 291–292]. Как следствие, во второй половине XIX в. кряшены «возвращаются» в ислам гораздо реже, среди них утверждаются соответствующее самоназвание и последовательное отделение от татар-мусульман [Исхаков 2017а, с. 206–207].

Для выяснения того, оказались ли ознакомление кряшен с религиозными текстами на их языке и религиозно мотивированная деятельность на их основе определяющим групповую идентичность фактором, мы обратились к данным полевых исследований. Их мы рассмотрим ниже.

Структура полевого исследования и анализ данных

В работе мы использовали метод полевого исследования в форме «невключенного исследования» и «качественную» форму опроса (получение описаний жизненного мира информанта для их интерпретации) [Ильин 2006, с. 150]. Описание данных полевого исследования представлено в виде списков общих для информантов мнений, выявленных методом тематического анализа [Бусыгина 2018, с. 301–307].

Каждое распространенное мнение иллюстрировано фрагментами интервью разных информантов¹ – целиком данные интервью и осуществление процедуры тематического анализа в статье не представлены.

По итогам тематического анализа интервью молокан Москвы и их группировки удалось обнаружить определенные проблемные поля.

Так, вовлечение всех информантов в религию начиналось с детства, в семье, но с разной степенью выраженности. Информант М1 сообщает, что в его семье читали Библию вслух, особенно после собраний. Отдельно для себя он отмечает роль отца:

... отец читал... Библию – все равно что-то оставалось в уме-то, в памяти....

Большинство молокан, хотя знакомы с религией с детства, стали активно ее практиковать несколько позже. Например, харак-

---

¹ Вместо имен информантов приводятся коды, позволяющие их различать – код информантов-молокан начинается с буквы М, информантов-кряшен – с буквы К; после букв идут порядковые номера.

терно сообщение информантки М3, на время оставлявшей религию по личным соображениям. Она активно посещала собрания с бабушкой, но в юности на какое-то время перестала. Однако у нее произошло некое внутреннее преобразование:

...ну а потом, со временем, все больше и больше понимаешь и важность веры... понимаешь, зачем ты ходишь в собрание...

Примеры влияния извне (государства и общества) на временное выпадение из молоканства более характерны для пожилых, здесь примечательно сообщение информанта М1:

...в школе нам втолковывали, что Бога нет и так далее... и мы больше верили учителям, чем... родителям.

Абсолютное большинство молокан описывает Библию как книгу, которую нужно читать и интерпретировать в связи со своей жизненной практикой; например, это ярко выражено в рассказе информанта М7. Он описывает Библию как учебник жизни, который дает ответы на возникающие сложные вопросы:

Библия очень важное место в жизни занимает, потому что я считаю, что это – учебник жизни... это очень большая философская книга... учебник жизни, где ты можешь найти ответы на трудные житейские какие-то вопросы.

М7 считает, что люди мало меняются – и мысли, изложенные в Библии, сохраняют актуальность по сей день.

Опрошенные молокане в той или иной мере посещают собрания; например, информант М4 сообщает:

...да, стараюсь вообще не пропускать... только если там какая-то уважительная причина;

тогда как информант М8 отмечает, что

...нельзя сказать, что прямо вот каждую неделю, потому что бывает то, что там уедешь куда-то, но в основном часто.

Молокане толерантны к другим конфессиям и религиям, но оттенки их восприятия на индивидуальном уровне различны. Например, информантка М10 выражает уважение и к мусульманам, и к православным:

...но если другие люди веруют по-другому, это же не значит, что они не верующие...

С уважением отношусь и к другим направлениям. Ведь мы выросли среди мусульман.

И много от них переняли.

В то же время информант М11, декларируя свою терпимость, все же над православием иронизирует:

...у нас свобода в вере... У православных – как скажет батюшка. Отец...

Ну, отец – значит ведь у каждого два – Бог и твой родной отец, который твой отец... ну, больше нет! А у православных – мы их не осуждаем – но при каждой церкви свой отец.

Ну сколько же может быть отцов? Отец – Бог один...

Среди молокан нет общего мнения о самой важной социальной роли – но делаются акценты на семье или религии. Пример первого – сообщение информантки М10:

...я вдова. Но на главном месте был муж. С уважением и заботой относилась к своим родителям;

пример второго – сообщение информанта М5:

Я считаю – христианин... Мы все стремимся на небеса... Самое главное – чтобы жить по Библии. Чтобы нам встретиться – Господь нам вечность обещает.

Пример упоминания и семьи, и религии – сообщение информантки М6:

...мы же все люди, мы непосредственно выполняем какую-то социальную роль, да – я вот, например, жена, но это меня не освобождает от того, что я еще и христианка.

То есть это все взаимосвязано – и все идет рядом.

Теперь обратимся к данным интервью кряшен Казани. По итогам их тематического анализа и группировки также удалось обнаружить определенные проблемные поля.

Так, приобщение к религии начинается в детстве с помощью семьи. Яркий пример – рассказ информантки К6:

...мы с детства, да, дедушки, бабушки нас приучили. Потому что бабушки-дедушки у нас очень сильно верующие были, и тетки сильно верующие были, и папа очень сильно... верующий был, потом дедушка в храме еще работал... Мы с малолетства... в вере сильные.

Текстуальная традиция религии на своем (кряшенском) языке немаловажна, но ее рамки нечетки. Например, информантка К6 называет следующие тексты:

Евангелие... очень важны. Молитвослов вот,

а информантка К7 отделяет Евангелие от остальной Библии:

Библия – не знаю, Евангелие знаю. Мы читаем Евангелие, очень важно, очень важно...

Вопрос о значимости языка сам по себе не задавался, но поскольку информанты посещают службы именно на кряшенском языке, то можно сделать вывод о ключевой роли языка и значении формы текста, создающего групповую идентичность.

Кряшены воспринимают церковь как значимый в их жизни социальный институт. Здесь примечателен рассказ информантки К4. Она особенно отмечает роль таинств:

...причастие очень важно для нас – очень важно, потому что надо... готовишься, уже по-другому себя ведешь, во-первых, уже вот эти дни уже задумываешься над своими грехами – и вот, почему я всегда говорю, что я счастлива – потому что у нас есть, куда идти, и все это выложить, свои грехи, исповедаться...

Абсолютное большинство опрошенных кряшен бывает в церкви. Например, информантка К5 описывает периодичность своих посещений так: *по возможности. По праздникам*, информант К9 – иначе:

...да, субботные и воскресные службы и праздничные богослужения.

Исключение представляет информант К3:

ну, чисто из туристических интересов... на архитектуру посмотреть... Ну, материальное, никакого духовного... чего-то там.

Очевидно, этот информант был в церкви не из религиозных соображений и без специальной периодичности, а потому его нельзя причислить к посещающим церковь.

Кряшены обычно выражают толерантность к представителям других религиозных традиций вне православия – например, информант К10 говорит так:

Бог один, а религий много, поэтому и отношусь к другим религиям нейтрально... среди каждой религии и нации есть как плохие, так и хорошие люди;

информантка К5 делает акцент на отношение к мусульманам:

...ну, мусульман мы веру не знаем, а с ними мы дружно живем.

Социальная роль члена семьи чаще других упоминается кряшенами как определяющая; пример – высказывание информанта К2:

...наверное, самое главное в моей жизни это все-таки то, что я – отец... своих детей, плюс муж своей жены, поэтому для меня, все-таки, на первом месте будет именно семейный фактор.

Среди кряшен выражена как негативная самоидентификация – через не-принадлежность к татарам, так и позитивная – через утверждение себя кряшенами. Яркий пример первого – высказывание информантки К6:

...перепись был Татарстан? Они [власти Республики Татарстан] хотели писать татарами.

Я говорю – татары нет, пишете русская!.. И дети, и я, и муж... – мы все русскими писались...

Ну, православные же, так? Вот... Как это писали, потому что мы свою веру не хотели терять...

Пример позитивной кряшенской самоидентификации – у информанта К10:

...по нации я определяю себя как крещеный татарин, кряшен. Немного о кряшенах.

Это люди широкой души. Простые, добрые и отзывчивые... Хочется сказать, что это люди русской души, сохранившие традиции татарского народа, ни татары, ни русские, а представители своей нации.

Обсуждение полученных результатов

Теория текстуальных сообществ Б. Стока подразумевает выстраивание сообщества (и соответственно групповую идентичность) вокруг некоего текста.

Община молокан Москвы хорошо подходит под это описание в силу как особенностей их исторического развития, так и сохраняющихся практик и мнений, выявленных в интервью. Библия как «конституирующий текст» и осознание себя на основании восприятия текста – это позволяет говорить о них как о текстуальном сообществе.

Община крышен Казани также характеризуется как текстуальное сообщество: это вытекает из особенностей исторического развития крышен, также выявляется в ходе интервьюирования. Книги Библии и тексты Священного Предания в качестве определяющих жизнь текстов, акцент на Евангелии как части Библии, также осознание себя на основании восприятия этих текстов – подтверждение нашей позиции.

Итак, мы уверенно говорим об обоих сообществах как «текстуальных», текстуальность предстает значимым опорным элементом в выстраивании их групповых идентичностей. Однако в использовании текстов есть различия: для молокан значимо то, как они интерпретируют и используют священный текст в своей жизни (содержательный фактор текста); для крышен имеет значение то, что священный текст существует на их языке и доступен для них (фактор формы текста).

Таким образом, мы видим, что некоторые малые этнические и конфессиональные группы в больших городах – а именно общины крышен Казани и молокан Москвы – поддерживают целостность своих групп путем выстраивания групповых идентичностей на основании приверженности книжному тексту, как текстуальных сообществ.

Также, помимо фактора текста, в процессе исследований удалось обнаружить другие факторы, которые влияют на жизнь изучаемых общин.

Среди этих факторов есть сходные: вовлечение в религию с детства через семью (традиция), посещение церкви/собраний, выработанная религиозная терпимость.

Есть среди них важные различия, особенно в том смысле, что по одному и тому же вопросу в одной общине мнение складывается одним образом, а в другом – иначе. Так, при изучении представлений о социальных ролях выяснилось, что у крышен наиболее распространено (в восьми интервью из 12) выделение роли семья-

нина как определяющей, у молокан же выделение преобладающего затруднительно (распространены суждения о религии и семье как связанных сторонах жизни).

Были также выявлены специфические для каждой общины факторы. Многие из молокан, имея знакомство с религией с детства, стали активно участвовать в религиозной деятельности позже – по разным причинам, среди которых личный кризис религиозности, давление государства/общества, и др. Для кряшен важными оказались роль церкви и момент этнического: равно распространены оказываются как утверждение себя как кряшен, так и противопоставление татарам-мусульманам.

Литература

- Бусыгина 2018 – *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2018. 424 с.
- Загидуллин 2017 – *Загидуллин И.К.* Религиозная политика Московского государства в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – XVII в.) // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 74–143.
- Ильин 2006 – *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
- Ислаев 2017 – *Ислаев Ф.Г.* Обращение в православие и христианизация татар в XVIII в. // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 162–182.
- Исхаков 2017а – *Исхаков Р.Р.* Консолидационные процессы и формирование кряшенской этноконфессиональной идентичности (вторая половина XVI – начало XX в.) // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 206–207.
- Исхаков 2017б – *Исхаков Р.Р.* Развитие конфессионального образования крещеных татар // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 189–210.
- Исхаков 2017с – *Исхаков Р.Р.* Система Н.И. Ильминского и формирование кряшенской интеллигенции // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): Колл. моногр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 283–294.
- Львов 2011 – *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуральное сообщество. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 328 с.
- Пронина 2015 – *Пронина Т.С.* Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 154–166.
- Смилянская 2016 – *Смилянская Е.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Ломоносовь, 2016. 384 с.

- Эриксон 1996 – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Jenkins 2008 – Jenkins R. Social identity. Routledge, 2008. 264 p.
- Kefeli 2001 – Kefeli A. The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge: 1800–1870 // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 250–273.
- Stock 1983 – Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11th and 12th Centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983. 604 p.

References

- Busygina, N.P. (2018), *Kachestvennye I kolichestvennye metody issledovaniya v psikhologii* [Qualitative and Quantitative methods of Research in Psychology], Yurait, Moscow, Russia.
- Erikson, E.H. (1996), *Identichnost': yunost' I krizis* [Identity: Youth and Crisis], transl. from English, Progress, Moscow, Russia.
- Il'in, V.I. (2006), *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [The Dramaturgy of a Qualitative Field Research], Intersotsis, Saint Petersburg, Russia.
- Iskhakov, R.R. (2017a), Consolidational Processes and Formation of the Kryashen Ethnoreligious Identity”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 206–207.
- Iskhakov, R.R. (2017b), “The Development of Confessional Education of Baptized Tatars”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 189–210.
- Iskhakov, R.R. (2017c), “The System of N.I. Ilminsky and Formation of the Kryashen Intelligentsia”, *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–18th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 283–294.
- Islaev, F.G. (2017), *Obrashchenie v pravoslavie i khristianizatsiya tatar v XVIII v.* [Conversion to the Orthodoxy and Christianization of Tatars in the 18th century], *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)*, *kollektivnaya monografiya* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–20th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia.
- Jenkins, R. (2008), *Social identity*, Routledge.
- Kefeli, A. (2001), “The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge, 1800–1870”, Geraci, R. and Khodarkovsky, M. (eds.), *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*, Cornell University Press, Ithaca, NY, pp. 250–273.

- L'vov, A.L. (2011), *Sokha i Pyatiknizhie: russkie iudeistvuyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo* [The Plow and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Pronina, T.S. (2015), "Religious identity as a psychosocial phenomenon", *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, iss. 2, pp. 154–166.
- Smilyanskaya, E. (2016), *Volshebnyki, bogokhul'niki, eretiki v setyakh rossiiskogo syska XVIII veka* [Wizards, Blasphemers, Heretics in the Nets of the Russian Investigation Service of the 18th century], Lomonosov, Moscow, Russia.
- Stock, B. (1983), *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11th and 12th Centuries*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Zagidullin, I.K. (2017), "Religious Politics of the Muscovite State in the Middle Volga Region (the 2nd half of the 16–18th centuries)", *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–KHKH vv.)* [History and Culture of Kryashen Tatars (16–18th centuries): A Collective Monograph], Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 74–143.

Информация об авторе

Глеб И. Корнилов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; glenvonkornen@gmail.com

Information about the author

Gleb I. Kornilov, postgraduate student, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; glenvonkornen@gmail.com